

П. Н. ДОЛЖЕНКОВ

«Дядя Ваня»

Почти все не слишком многочисленные интерпретации пьесы «Дядя Ваня» можно разделить на две группы. В первой из них Серебряков рассматривается как представитель определенного общественного течения, в идеях которого Войницкий разочаровывается, попутно обнаруживая бездарность профессора, и осознает драму собственной жизни. Наиболее характерна здесь точка зрения В. Е. Хализева, который определяет «серебряковщину» как либеральное доктринерство*. Во второй, гораздо более обширной группе толкований Серебряков предстает воплощением окружающей Войницкого жизни, с которой дядя Ваня находится в конфликте, против которой он бунтует. «Целостный и многосторонний конфликт дяди Вани с “серебряковщиной” как олицетворением мертвенно-тусклой жизни...» — видит в пьесе З. С. Паперный**. Бунтуя против Серебрякова, Войницкий на самом деле бунтует против чего-то гораздо большего, нежели частного человека, профессора. Но против чего именно — на этот вопрос нам и предстоит ответить.

Казалось бы, все так ясно в пьесе Чехова: бедный дядя Ваня человека бездарного и бесчувственного принимал за гения, наконец-то прозрел, а жизнь уже прожита, прожита, по мнению персонажа, впустую. Такова точка зрения героя пьесы и обычная интерпретация произведения. Верны ли они?

Осмысленная судьбу Войницкого, читатель неизбежно упирается в образ Серебрякова: если профессор крупный ученый, то жизнь дяди

* Хализев В. Е. О природе конфликта в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» // Вестник Московского ун-та. Серия VII. Филология, журналистика. 1961. № 1. С. 52. 119.

** Паперный З. С. «Вопреки всем правилам...»: Пьесы и водевили — Чехова. М., 1982. С. 104.

Вани прожита недаром, а его бунт — результат недоразумения, если же профессор действительно бездарность, то судьба дяди Вани, слепо доверившегося ничтожеству, ужасна. Следуя за Войницким, мы привыкли считать Серебрякова бездарностью, но так ли уж это бесспорно?

Уже в первом высказывании дяди Вани о профессоре есть одна фраза, сразу обращающая на себя внимание. Давая уничижительную характеристику Серебрякову, Войницкий, в частности, говорит: «Ты только подумай, какое счастье! Сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, стал его превосходительством, зятем сенатора и прочее и прочее. Все это неважно, впрочем» (13, 67). Здесь просто напрашивается недоуменный вопрос: но почему же — именно это и важно: если сын простого дьячка смог достичь того, чего достиг Серебряков, то он должен быть незаурядным человеком. Без протекции, не имея реальных заслуг в науке, неизвестно кому добиться этого едва ли возможно. Это очевидно, и Чехов сразу же хочет настроить нас критически по отношению к своему герою, который, не задумываясь, все успехи Серебрякова готов приписать исключительно его везению, «счастью».

На мысли о необъективности Войницкого наводит и то обстоятельство, что сразу же после своего развернутого высказывания о профессоре в ответ на замечание Астрова: «Ну, ты, кажется, завидуешь», — Войницкий признается: «Да, завидую» (13, 67–68).

В предлагаемой писателем ситуации самое поразительное то, каким же образом дядя Ваня 25 лет считал профессора выдающимся ученым, а потом вдруг необъяснимо прозрел и обнаружил, что тот полная бездарность. Как объяснить дичайшую ошибку и слишком резкое и беспощадное — не гений, а бездарность — прозрение?

Многое здесь значит вопрос о том, насколько Войницкий компетентен, чтобы оценивать научные труды Серебрякова. Кто дядя Ваня по специальности, какое образование он получил? Если не связанное с искусством, то о чем вообще речь. Если же он имеет нужное образование, то совершенно необъяснима амплитуда его оценок: специалист может ошибаться, принимая добротного ученого за выдающегося, но он не может 25 лет считать бездарность гением — это немислимо. В тексте пьесы нет ни одного намека на степень компетенции дяди Вани — Чехов отнюдь не стремится рассеять наши сомнения.

Единственный аргумент Войницкого, свидетельствующий о бездарности профессора, следующий: «Он вышел в отставку, и его не знает ни одна живая душа, он совершенно неизвестен; значит, двадцать пять лет он занимал чужое место» (13, 67). Но это несколько противоречит показаниям других героев пьесы. Елена Андреевна: «Я увлеклась им как ученым и известным человеком» (13, 87–88), — Серебряков: «...я люблю успех, люблю известность, шум» (13, 77).

Теперь взглянем на проблему глазами Чехова. В 1886 г. молодой писатель пишет рассказ «Пассажир I-го класса», в котором два выдающихся в своей области человека говорят о том, что сотни всякого рода певичек, акробатов и шутов известны даже грудным детям, в то время как публика даже и не слыхала никогда имена русских крупных ученых, инженеров, врачей, художников, литераторов. А в конце рассказа выясняется, что они не только ничего не знают друг о друге, но и фамилии слышат в первый раз. Поэтому аргумент дяди Вани для Чехова вряд ли убедителен.

Важно то, что Серебряков занимается такими проблемами, как реализм и натурализм. Проблемы такого уровня могут быть решены, по мнению Чехова, лишь в будущем. В одном из писем, рассуждая о праве на существование современного ему литературного направления (речь шла, по всей видимости, о натурализме), Чехов писал: «Подобно вопросам о непротивлении злу, свободе воли и проч., этот вопрос может быть решен только в будущем. Мы же можем только упоминать о нем» (П 2, 11). По Чехову, заслуги Серебрякова могут быть верно оценены лишь в будущем, сейчас же они просто неопределенны.

Многое заставляет нас усомниться в верности оценок дядей Ваней научной деятельности Серебрякова. При этом в тексте пьесы нет ничего, что бесспорно бы подтверждало или опровергало утверждения дяди Вани. Каков же профессор на самом деле, нам неизвестно. Эта неясность — суть идейного замысла пьесы.

Драма дяди Вани не трагедия человека, принесшего себя в жертву ничтожеству, а драма человека, жизнь которого ушла неизвестно на что.

Но не только Войницкий жертвовал собой ради Серебрякова. Сестра дяди Вани любила профессора, «как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами» (13, 68), Елена Андреевна «вышла за него, когда он был уже стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск» (13, 68). «За что? Почему?» Кому были принесены эти жертвы? Конечно, здесь уже неважно, был ли профессор выдающимся ученым, весь вопрос в том, достойному ли человеку отданы чистота души, молодость и красота. Серебряков, каким мы его видим в пьесе, эгоистичен, раздражителен, капризен и не отличается душевной чуткостью. Но всегда ли он был таким? Неужели сестра дяди Вани, ангел во плоти, всю жизнь любила, не замечая его мелочности, эгоизма, душевной нечистоплотности? Неужели умная Елена Андреевна была настолько ослеплена известностью профессора, что ничего не видела? Разве в это можно поверить? Но Чехов предлагает нам возможное объяснение ошибки: Серебряков пользовался большим успехом у женщин. Профессор довольно непригляден, но ведь он старый человек, очень боится болезней и смерти, тяжело переживает свое ны-

нешнее положение. Мы вправе предположить, что многое дурное в нем развилось лишь теперь, в конце жизни, что Серебряков просто побежден страшным чудовищем старости. Тем более что он, таков как есть, сам себе противен. Профессор страдает, может быть, не менее тяжело, чем дядя Ваня, переживая свою драму — драму старости. А мы ничего не хотим простить старому человеку. Может быть, лучше прислушаться к словам Елены Андреевны, что Александр такой же, как все, «не хуже вас», или согласиться со старой няней, что старых никому не жалко. Надо ценить и то, что профессор, как бы ему ни было тяжело, каждый день и по многу часов работает.

Но все это только предположения. Все наши рассуждения остаются всего лишь рассуждениями, прямо не подтвержденными текстом. К каждому аргументу за или против Серебрякова Чеховым предлагается контраргумент, подвергающий серьезным сомнениям вынесенное о герое суждение. Так построен образ Серебрякова в целом, и в этом нельзя не видеть авторского замысла. Но следует отметить, что наиболее вероятным ответом на вопрос, кто же такой профессор Серебряков, является следующий: профессор не бездарность и не гений, а средний ученый, каких много.

Необычность пьесы тонко почувствовали современники писателя. Например, рецензент «Новостей дня» писал о «Дяде Ване»: «Многое очерчено неясно, все действие точно окутано туманом, быть может — даже умышленным»*. Критики упрекали Чехова в том, что «поступки его персонажей лишены достаточных оснований, не мотивированы, непоследовательны». О «грехах пьесы», заключающихся в том числе «в неясности психологии самого Ивана Петровича и особенно — в “некрепкой” мотивировке его отношения к профессору», писал Чехову Немирович-Данченко**.

Неизвестно, кому отдала свою жизнь и любовь сестра Войницкого, неизвестно, ради кого пожертвовала своей молодостью и красотой Елена Андреевна. Если теперь вспомнить, что Соня вместе с дядей Ваней заживо погребла себя в имении, работает, не зная ни отдыха, ни радости, на того же Серебрякова, что мать дяди Вани слепо обожает профессора и потратила свою жизнь на преклонение перед ним, то драма незнания становится общей драмой героев пьесы, ситуация неизвестности распространяется на все произведение.

Ситуация «жизнь, уходящая неизвестно на что», весь ужас которой заключается в том, что все лучшее в нас, все жизни человеческие уходят неизвестно на что, в зияющую пустоту по имени профессор

* Новости дня. 1897, 5 июня. № 5029, отд. «Театральная хроника».

** Немирович-Данченко Вл. И. Театральное наследие. Т. 2. М., 1954. С. 18.

Серебряков, — универсальная ситуация пьесы, и профессор Серебряков начинает восприниматься как фигура символическая, как символ неведомого человеку мира. Созданная автором ситуация «жизнь, уходящая неизвестно на что» воспринимается как образ жизни в целом. Эта ситуация — отражение в пьесе чеховской концепции жизни.

Итак, тема «Дяди Вани» — человек перед лицом неведомого ему мира и драма человека, живущего в этом мире.

Участвуют в создании ситуации неопределенности, с которой мы сталкиваемся в пьесе, и литературные связи «Дяди Вани». В своей статье «Чехов и драматургия “серебряного века”» Н. И. Ищук-Фадеева отмечает, что слова Войницкого: «...из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... Я зарпортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!» (13, 102) — являются отсылкой к повести Гоголя «Записки сумасшедшего»*, в которой несчастный Поприщин взывает: «Матушка, спаси своего несчастного сына! Урони слезинку на его больную головку»**. Мотив сумасшествия присутствует в пьесе Чехова, а слова дяди Вани о том, что из него вышел бы Шопенгауэр или Достоевский, напоминают нам о мании величия гоголевского героя. Существование литературных связей между пьесой Чехова и повестью Гоголя несомненно, и к сказанному Н. И. Ищук-Фадеевой следует добавить, что как в «Записках сумасшедшего», так и в «Дяде Ване» герои совершают поразительные открытия, которые в корне изменяют их осмысление собственной судьбы. Поприщин открывает, что он испанский король, а Войницкий вдруг обнаруживает, что профессор бездарен. Отчасти сходны и жизненные ситуации этих персонажей: дядя Ваня посвятил свою жизнь служению Серебрякову, обеспечивает ему возможность быть «пишущим *perpetum mobile*» и влюбляется в его жену, а Поприщин обслуживает директора, чинит ему перья, поражается его учености и влюбляется в его дочь. Мотив «писания» важен для Гоголя в «Записках сумасшедшего» («Правильно писать могут только дворяне»), присутствует этот мотив и в пьесе Чехова. «Нет, я больше не имею сил терпеть»***, — восклицает Поприщин и «улетает» от своих мучителей. «Я не могу дольше выносить!» (13, 102) — кричит Елена Андреевна, она мечтает: «Улететь бы вольную птицею от всех вас» (13, 93). Возможную отсылку к повести Гоголя можно видеть и в том, что первый раз на сцене мы видим Войницкого после того, как он спал не вовремя, после завтрака, так как Поприщин начинает

* Ищук-Фадеева Н. И. Чехов и драматургия «серебряного века» // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 280–285.

** Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3. М.; Л., 1938. С. 213.

*** Там же.

свои записки с сообщения о том, что он встал поздно, после десяти и опоздал в департамент.

Гоголь — единственный писатель, которого упоминают или цитируют во всех великих пьесах Чехова, за исключением «Вишневого сада». Кроме «Дяди Вани», о гоголевском сумасшедшем говорят в «Чайке» и в «Трех сестрах». Поприщин упоминается в большем количестве пьес, чем другие литературные герои. Этот факт нуждается в осмыслении.

Используя повесть Гоголя, Чехов подводит читателя к мысли о том, что все, что говорит о Серебрякове и своей судьбе Войницкий, является «записками сумасшедшего» в смысле соответствия действительности.

Но писатель проводит параллели и к другому произведению Гоголя, вновь по-иному освещая образ профессора и судьбу дяди Вани. В третьем действии Серебряков произносит: «Я пригласил вас, господа, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор» (13, 99), — этими словами начинается «Ревизор» Гоголя. Главным основанием для поиска литературных связей между двумя пьесами является то обстоятельство, что в связи с открытием дядей Ваней того, что Серебряков — бездарность, которую он целых двадцать пять лет принимал за гения, речь должна идти, как и в случае с Хлестаковым, о чудовищной, нелепой всеобщей ошибке, абсурдность которой подчеркивается тем, что как Хлестаков, так и наверняка Серебряков никого специально не обманывали.

Есть сходство и в построении пьес. У Гоголя в замкнутый мир уездного городка приезжает человек извне, и в реакциях на приехавшего раскрываются перед читателем герои «Ревизора». В пьесе Чехова в замкнутый мир усадебной жизни приезжают извне тоже двое, и мы познаем обитателей усадьбы и ее гостей прежде всего в их взаимоотношениях с приехавшими. Финал «Ревизора» и «Дяди Вани» во многом является возвращением к исходной ситуации: «Все будет по-старому» (13, 112), — говорит в конце пьесы Войницкий Серебрякову. Если приезд Хлестакова вызывает переполох в городе, то и приезд профессора с женой выбивает жизнь в усадьбе из наезженной колеи. Развенчание Войницким мифа о Серебрякове сопровождается сознанием своего жизненного краха, развенчание мифа о Хлестакове-ревизоре должно закончиться заслуженной карой чиновникам города. Можно говорить о том, что в «Дяде Ване» есть ситуация ревизии, ревизии жизни не только Войницкого, но и Астрова и других персонажей пьесы. Отметим, что если Хлестакова возят и показывают город, то и профессора водят на прогулки, он «обозревает виды», его собираются везти показывать лесничество, то есть хозяйство врача Астрова. Имя Войницкого совпадает с именем Хлестакова, а имя Серебрякова — с его отчеством. В «Лешем», в котором неадекватность суждений Войницкого о профессоре была более очевидной, звучала еще одна фраза

из «Ревизора»: «...но зачем же стулья ломать?» (12, 178). Она напоминает нам о персонаже Гоголя, который говорил: «Для науки я жизни не пощажу»*. Эта отсылка бросает свой комический отблеск на образ Войницкого, принесшего жизнь в жертву науке. В «Дяде Ване» этой фразы нет, но в третьем действии во время «бунта» Войницкого Телегин говорит: «Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но и родственные чувства» (13, 100), — и вспоминает о брате жены своего брата магистре Лакедемононе. Лакедемония — древнее название Спарты, поэтому в этом эпизоде можно видеть не очень настойчивое желание Чехова отослать нас все-таки к преподавателю гимназии из «Ревизора».

К сопоставлению пьес Гоголя и Чехова мы вернемся ниже, а сейчас обратим внимание на один из мотивов в «Дяде Ване». Мотив оборотня в «Лешем» исследовала И. В. Грачева**. К сожалению, она не обратила внимания на то, что в «Дяде Ване» в связи с образом профессора этот мотив не редуцируется, а, наоборот, усиливается. В «Лешем» Серебрякова сравнивают с филином, которого невозможно убить обычным ружейным зарядом. В «Дяде Ване» в него дважды стреляют «обычным зарядом» и не могут попасть с близкого расстояния. В связи с чем можно обратить внимание на странную фразу, которую произносит Войницкий, прежде чем идти за револьвером: «Будешь ты меня помнить». Конечно, в том состоянии, в котором находится дядя Ваня, трудно изъясняться логически правильно, но если понимать его слова буквально, то получается, что он уверен в том, что не убьет (или не сможет убить?) профессора. А фамилия Серебрякова напоминает нам о том, что оборотня можно убить только серебряной пулей. Как и в «Лешем», профессор — полуночник, именно в ночной сцене мы видим его как душителя жизни, в ней он производит жутковатое впечатление. Во время этой сцены дядя Ваня и говорит: «Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно» (13, 79), — а чуть позже Астров вспомнит о ночном лесе.

«Ты погубил мою жизнь!» — в отчаянии кричит Войницкий, называет профессора бездарностью, а никто из окружающих и не собирается подтверждать или опровергать это. Загадочное молчание, как будто о том, кто же профессор на самом деле, нельзя или страшно говорить.

Основанием для введения в пьесу мотива оборотня послужило то обстоятельство, что осмысление дядей Ваней своей судьбы можно

* Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 15.

** Грачева И. В. Литературные реминисценции в драматургии А. П. Чехова // Русская драматургия и литературный процесс: Сборник статей. СПб.; Самара, 1991. С. 218–240.

представить следующим образом: «Серебряков — бездарность, обернувшаяся гением, чтобы погубить меня».

Для Гоголя абсурд в жизни, который проявляется и в «Ревизоре», — дьявольское отклонение жизни от своей нормы. Существующий в пьесе Чехова мотив оборотня дает нам возможность объяснить чудовищную всеобщую ошибку «наваждением оборотня», вмешательством в жизнь потусторонних сил. Мотив оборотня подкрепляет в пьесе версию о бездарности профессора.

Итак, в своем произведении Чехов предлагает две возможные версии судьбы дяди Вани и образа Серебрякова. Но суть пьесы вовсе не сводится к тому, что «никто не знает настоящей правды», а потому всегда возможны различные точки зрения на происходящее. Чехова интересуют в первую очередь не различные осмысления Войницким своей судьбы, а сам дядя Ваня, создающий мифы о собственной жизни.

Для подтверждения склонности Войницкого создавать именно мифы о себе и своей жизни, не слишком заботясь об их соответствии действительности, приведем два примера, в которых Иван Петрович осмысляет свою судьбу с помощью уже готовых образцов, взятых им из художественной литературы. Во втором действии Войницкий, размышляя о себе и Елене Андреевне, сетует: «Десять лет тому назад я встречал ее у покойной сестры. Тогда ей было семнадцать, а мне тридцать семь. Отчего я тогда не влюбился в нее и не сделал ей предложения? Ведь это было так возможно!» (13, 80) Как видим, свою жизненную ситуацию он описывает, прилагая к ней сюжет и мотивы «Евгения Онегина». В том же действии на фоне грозы дядя Ваня произносит: «Чувство мое гибнет, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну» (13, 79). Затем происходит бунт Войницкого, после которого он хочет покончить с собой. Все это заставляет вспомнить статью Добролюбова «Луч света в темном царстве» и «Грозу» Островского.

Косвенно подтверждают склонность дяди Вани создавать мифы о своей жизни и два его высказывания. «До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманить глаза вашею этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни» (13, 82), — говорит он матери, имея в виду свои прежние иллюзии относительно профессора. Едва ли не прямым ответом на вопрос, зачем же он нарочно «отуманивал» глаза, «чтобы не видеть настоящей жизни», выглядят слова Войницкого в третьем действии: «Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего» (13, 82).

Итак, дядя Ваня «раскрашивает» свою жизнь в яркие тона прежде всего потому, что нет «настоящей жизни».

Вернемся к поиску литературных связей между «Дядей Ваней» и «Ревизором» для того, чтобы прояснить содержание этой пьесы

Чехова. Имя и отчество Войницкого — переставленные имя и отчество двух гоголевских героев — Петров Ивановичей Добчинского и Бобчинского. Войницкий создал свой миф о Серебрякове, а у Гоголя именно эти персонажи создали миф о Хлестакове-ревизоре, остальные в него просто поверили. Как у Гоголя, так и у Чехова миф создают люди, не заинтересованные в том, что они делают, ни материально, ни по службе. Петры Иванычи не служат, а Войницкий ничего не хочет получить от Серебрякова, наоборот, он все ему отдает. Бобчинский с Добчинским тоже пострадали — потеряли деньги.

Чем эти герои Гоголя могли привлечь внимание Чехова? Вспомним просьбу, с которой Бобчинский обращается к Хлестакову: «...поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, <...> живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский <...> Да если этак и государю придется, то скажите и государю»*. Самое заветное в гоголевском персонаже оказывается близким Чехову. Живет обычный, ничем не замечательный человек в заштатном уездном городишке. Скука, тоска, все серо и сам сер. Неужели проживешь, и даже никто не узнает, что жил на свете человек с такой-то фамилией. Это же непереносимо — и вот крик души: пусть хотя бы фамилию узнают, все легче, все как-то отметился в жизни. В серой, грязной, скучной жизни человека влечет к блестящему, возвышенному, значительному. А если значительного, возвышенного нет, то Бобчинский и Добчинский его выдумают, они фантазеры. Они выдумали ревизора Хлестакова.

Точно так же выдумывает профессора и свою судьбу Войницкий, похожий на многих чеховских героев, обыкновенных, заурядных людей, страдающих в серой, пошлой, скучной жизни и мечтающих об ином, более ярком и полноценном существовании. Поприщин — гоголевский «маленький» человек, бунтующий против своей участи, Войницкий — чеховский обыкновенный человек, бунтующий против своей обыкновенной участи. Вот наш главный вывод из исследования литературных связей пьесы.

Подкрепим его рядом наблюдений. Войницкий бунтует именно против своей обыкновенности. Дядя Ваня создает два мифа о своей жизни. Согласно первому, Серебряков — гений, а он служит профессору, а через него — науке, прогрессу, человечеству. Дядя Ваня принес себя в жертву великому человеку и великому делу. Все это выглядит красиво и возвышенно. Миф второй: профессор — бездарность, он обманул меня; я, кто сам мог стать Шопенгауэром, Достоевским, пожертвовал собой ради ничтожества, погубил свою жизнь. Трагедия жизни дяди

* Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 66–67.

Вани в его изложении выглядит жутко, но в ней есть своя трагическая красота и, конечно, исключительность судьбы.

Он создает два мифа и знать не хочет о наиболее вероятном смысле своей судьбы: средний ученый Серебряков внес свой посильный вклад в науку, а заурядный человек Войницкий пожертвовал собою ради этого не слишком значительного вклада. Это обычная судьба миллионов людей. Именно ее, обычной, и не желает дядя Ваня. (Кстати, само сочетание имени и фамилии персонажа, Иван Войницкий, звучит иронично.)

Восприятие Войницким Серебрякова: гений — бездарность, — имеет свою аналогию в художественном мышлении Гоголя в «Ревизоре», в котором тоже есть только ничтожество, лжереvizор и свержревизор, ревизор от высших начал жизни, но нет обычного ревизора, который, как всегда, возьмет взятки и завершит все благополучно для чиновников.

Разрабатывая тему бунта обыкновенного человека против своей обыкновенной участи, Чехов идет от того, что было сказано на эту тему Гоголем, и вносит в нее свои акценты и смыслы.

Трагичность бунта Войницкого заключается прежде всего в том, что он разворачивается в неизвестном людям мире, в котором смысл человеческих судеб, как и смысл самой жизни, неведом никому.

Итак, «Дядя Ваня» описывает всеобщую драму людей, живущих в неведомом им мире. Но пьеса соотносится и с более частной ситуацией жизни многих людей в чеховскую эпоху. Войницкий принес свою жизнь в жертву науке.

Влияние позитивизма в России выразилось прежде всего в широком распространении сциентизма, и, начиная с 60-х годов прошлого века, русская молодежь массами пошла в науку, чтобы служить ей, а через нее — прогрессу, человечеству. В последние десятилетия XIX века в Европе и с небольшим запозданием в России начинается так называемая антипозитивистская реакция, которая сопровождалась резкими нападениями не только на позитивизм, но и на науку. Утверждалась ее несостоятельность не только в деле обустройства человеческой жизни, но и в деле познания тайн вселенной. Непоколебимая прежде вера в науку начинала разрушаться. Многие люди оказались в ситуации, сходной с ситуацией дяди Вани: чему же, наконец, они служили всю жизнь: великому делу прогресса или очередному Хлестакову, оказавшемуся пустышкой?

Содержание «Лешего» проецируется на «Елену Прекрасную». Используя сюжетную линию Войницкого из «Лешего» и создавая на ее основе новую пьесу, Чехов сильно редуцирует отсылки к оперетте Оффенбаха или убирает их. В результате в «Дяде Ване» комический фон, связанный с Оффенбахом, отсутствует. Но то, что писатель оставил имя героини Елена и фамилию главного героя Войницкий, возможно,

свидетельствует о том, что он не настойчиво хотел все-таки отослать читателя к мифу о Троянской войне.

В начале 90-х годов Чехов перечитал, наверное, всего Тургенева. «Что за роскошь “Отцы и дети”!» — писал он в 1893 г. А. С. Суворину (П 6, 73). А в 1896 г. на свет появилась пьеса «Дядя Ваня». «Роскошная женщина», — говорит о Елене Андреевне Астров, он называет ее хищницей, красивым пушистым хорьком, рассматривает их поединок как поединок самца и самки. Кто из героев русской литературы сразу же нам вспоминается? Конечно, Базаров. Имел ли его в виду Чехов, когда создавал своего героя? Несомненно.

И об Астрове, и о Базарове можно сказать: «циничный доктор». Оба умны и талантливы, оба работают, имея целью счастье всего человечества. Для Базарова это счастье зависит от науки, ее успехов, для Астрова — от физиологического воздействия окружающей среды (леса), и его идеи лежат в русле теории географического детерминизма — одной из научных теорий того времени. Суть деятельности Астрова также определена наукой.

В одном из эпизодов «Отцов и детей» Аркадию приоткрывается вся бездна самолюбия Базарова, все его самомнение, Астров, в свою очередь, сознается, что, когда он пьян, он ощущает себя едва ли не титаном среди окружающих его «микробов».

И Одинцова, и Елена Андреевна красивы, и обе вышли замуж за старого человека. Если Одинцова вышла замуж по расчету, то Елену Андреевну в этом подозревает Соня. Как и Одинцова, Елена Андреевна поиграла Астровым, пощекотала себе нервы и так и не сделала решающего шага, обе испугались.

Отметим и то, что Серебряков упоминает Тургенева. Есть и текстуальные совпадения, но не с романом Тургенева, а со статьей Д. И. Писарева «Базаров». Писарев пишет: «...Базаров ни в ком не нуждается, никого не боится, никого не любит...»* — в первом же монологе Астров заявляет: «Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю» (13, 64), — затем Чехов дважды заставляет нас вспомнить эту фразу. «Роскошная женщина», — говорит Астров о Елене Андреевне, а затем повторяет эпитет «роскошная» в сцене любовного объяснения — о «роскошном» теле Одинцовой писал Писарев.

Почему же Чехов отсылает нас не только к роману, но и к Писареву? Очевидно, дело здесь в том, что особенно в XIX веке упоминание Базарова в первую очередь заставляло вспомнить нигилизм в том его варианте, который был воплощен Тургеневым во взглядах своего героя. Нигилизм заслонял самого Базарова. Отсылая к Писареву, че-

* Писарев Д. И. Базаров // Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. М., 1955–1956. Т. 2. С. 12.

ловеку базаровского типа, Чехов показывал, что хочет говорить более всего о человеке базаровского типа и не о конкретном мировоззрении, а о самих основах мировоззрений, подобных базаровскому.

В «Отцах и детях» намечена возможная судьба Базарова: дважды главный герой романа говорит о себе Одинцовой как о будущем уездном лекаре. Он же говорит: «Значительное хоть и ложно бывает да сладко, но и с незначительным помириться можно... а вот дрязги, дрязги... это беда»*, — житейские дрязги для тургеневского героя самое страшное в жизни. (Если считать, что введенное в текст пьесы слово «дрязги» с близким по смыслу употреблением к его значению в романе: «Мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрязг» (13, 79), — введенным неслучайно, то следует говорить о намеренной отсылке к «Отцам и детям», о намеренном указании на судьбу Астрова как на возможную жизненную ситуацию Базарова.)

Судьба человека базаровского типа, ставшего уездным доктором и столкнувшегося именно с этими «дрязгами», пошлостью, грубостью жизни, есть судьба Астрова. Если Тургенев испытывает своего героя высшими началами жизни (любовь к женщине, сыновьи чувства, смерть), испытывает его вечностью, то Чехов испытывает человека базаровского типа пошлостью и скукой жизни, и это очень по-чеховски.

Как уже было сказано, Чехова интересуют основы мировоззрения Базарова. В жизнедеятельности и мировоззрении Астрова писатель особо выделяет его работу во имя человечества и редукцию человека к животному в его взглядах на людей (отношение к Елене Андреевне), его цинизм. Напомним Базарова: «...мы с тобой те же лягушки, только что на ногах ходим»**, — и напомним, что редукция (в большей или меньшей степени) человека к биологическому существу, высшего в человеке к физиологическому в нем — едва ли не общее место науки, позитивизма и материализма XIX века.

Мировоззрение Базарова — это научное мировоззрение. Но научное мировоззрение, оперирующее лишь данными и понятиями науки, не в состоянии обосновать нравственность, хотя на это и претендует. Хорошо и едко пошутил В. С. Соловьев, сказавший, что русская интеллигенция исповедует странный силлогизм: «Все мы произошли от обезьяны, следовательно, должны любить друг друга». Редукция человека к животному, высшего в нем — к биологическому, отрицание «принципов, принятых на веру», что весьма логично для ученого, который должен выводить все свои утверждения из данных опыта, разрушают

* Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М., 1981. С. 120.

** Там же. С. 21–22.

фундамент для нравственности. Верный своей установке во многом все сводить к физиологии и отрицать высшие человеческие чувства Базаров и вынужден говорить о том, что все зависит от ощущений, что и честность — ощущение, что придерживается отрицательного направления он из ощущения: «Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен — и basta!» * Осталось только заключить, что честность и лживость — естественные ощущения, имеющие равные права на существование.

В подобной ситуации возникает все расширяющаяся трещина между стремлением героя трудиться ради прогресса, ради счастья людей и взглядом на мир и человека, predetermined научным мировоззрением, не дающим опоры для нравственности. Если идеи служения, самопожертвования, долга — лишь принципы, принятые на веру, которые следует отрицать, если высокие чувства и стремления — лишь раздражение определенных участков мозга, а инстинкты животного все вышеназванное просто отрицают и потребности организма противоречат высоким устремлениям души, то, спрашивается, из чего же исходит человек, работающий ради других, ради будущего? В эту проблему неизбежно упирается Базаров: «...Россия тогда достигнет совершенства, когда у последнего мужика будет такое же помещение, и всякий из нас должен этому способствовать... А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет: ну, а дальше?» ** Учитывая громадное самолюбие Базарова, то, что уже сейчас люди для него — во многом пешки, переставляя которые он добивается своих целей, можно сказать, что Тургенев подводит нас к мысли о том, что Базаров уже сейчас, а в дальнейшем, вероятно, все больше и больше будет действовать, исходя из желания утвердить свое «я», свой авторитет, свою власть над людьми. Мировоззрение Базарова не дает опоры для деятельности и намечает пути разрушения главного и самого ценного, что есть у него: желание помочь людям.

Тургенев, отдавая дань Базарову, предупреждает: Базаров занял позицию над людьми, над высшими ценностями, и это опасно.

В жизни и мировоззрении Астрова прежде всего бросается в глаза именно его стремление приносить человечеству «громадную пользу», работать ради счастливого будущего и его цинизм в отношении к Елене Андреевне, базирующийся на восприятии: она — самка, он — самец, люди — животные. До определенной степени ему свойственна и позиция

* *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М., 1981. С. 121.

** Там же. С. 120–121.

над людьми: когда он пьян, остальные люди представляются ему «букашками», «микробами» (13, 82). Таким образом, мы находим у Астрова тот же комплекс представлений, что и у Базарова: люди — животные, «микробы» — он изо всех сил трудится ради этих самых «букашек».

Отметим и то, что проблема Базарова была, видимо, и личной проблемой Чехова. В своих воспоминаниях И. Е. Репин пишет о Чехове: «Положительный, трезвый, здоровый, он мне напоминал тургеневского Базарова»*. В одном из писем Чехову-гимназисту его брат Александр назвал Антона всерьез и неодобрительно нигилистом, это удивило писателя, он не принял характеристику и попробовал обернуть все в шутку. Из некоторых высказываний Чехова о медицине можно заключить, что писатель видел, что медицина, а он и сам был врачом, способна лишить человека многих «дорогих иллюзий”**, что она принуждает видеть в человеке прежде всего организм и его физиологические проявления. Важно отметить, что, когда Чехов изображает деградировавшего героя, это часто врач — вспомним Рагина, Ионыча, Чебутыкина.

Астров был порядочным человеком, мечтал способствовать счастью человечества и «по-медицински, то есть до цинизма» (П 5, 117) смотрел на людей, видел в науке средство для достижения «светлого будущего». В конце концов Астров превращается в пошляка, циника, равнодушного человека, он говорит, что ничего не хочет, никого не любит, никого полюбить не в состоянии.

Обычно исследователи склонны не принимать его слова всерьез и доказывать чуть ли не обратное. Но это неверно. О его отношении к Елене Андреевне уже говорилось, а как цинично и жестоко ведет себя Астров со своим другом дядей Ваней: «Да-с, обнимал (Елену Андреевну. — П. Д.), а тебе — вот (*делает нос*)» (13, 107), — говорит Астров влюбленному Войницкому. «Пришла охота стрелять, ну, и палил бы в лоб себе самому. <...> Какая еще там новая жизнь! Наше положение, твое и мое, безнадежно. <...> если тебе, во что бы то ни стало, хочется покончить с собой, то ступай в лес и застрелись там...» (13, 107, 108) — это говорится другу, который собирается покончить с собой. (Кстати, Базаров не менее жесток со своим другом Аркадием.) Конечно, Астров оказывается жестоким не потому, что он жесток, а потому что он равнодушен, действительно равнодушен к людям.

Потенциально равнодушен к людям и Базаров, он говорит: «О людях вообще жалеть не стоит». Ему мало доступна мысль о ценности и уникальности каждого отдельного человека: «Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди, что

* А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 84.

** Там же. С. 55.

деревья в лесу: ни один ботаник не станет заниматься каждой отдельной березой» *. В этих высказываниях Базарова следует видеть влияние позитивизма и науки того времени с их установкой на поиск общего, общих законов, закономерностей при невнимании к индивидуальному, неповторимому.

«Медицинский», «научный» взгляд Астрова на человека как на биологическое существо в совокупности с «дрязгами» жизни, мы полагаем, и стали причиной душевной деградации чеховского героя, который просто аморален в своих аргументах, когда пытается склонить Елену Андреевну к супружеской измене.

Если Тургенев сводит своего героя с достойной женщиной, чтобы показать, что тот, несмотря на все свое отрицание любви, способен по-настоящему полюбить, то Чехов, сводя Астрова с достойной женщиной, показывает, что человек, считающий женщину самкой, в конце концов утратит способность любить.

Неприятие самопризнаний Астрова основывается прежде всего на знании того, что он, спасая леса, трудится во имя счастья будущих поколений. Для многих исследователей оказывается невозможным психологическим парадоксом то, что человек, который никого не любит и ничего не хочет, изнемогая, работает для будущего счастья любимых им людей. Не принимая этот парадокс, мы не замечаем, что он — видоизмененная проблема, стоящая перед Базаровым, о которой мы говорили («лопух на могиле»). Но, вероятно, это все-таки невозможный парадокс, и нам надо кое-что уточнить.

Астров говорит, что иногда заехать к Войницким и посидеть час-два над картами для него значит помечтать и отдохнуть. Работа ради будущего имеет и значение отдыха, психологической разгрузки. Возвышенная цель отчасти превращается в средство, средство выдержать тяжесть пошлой, обывательской уездной жизни. Когда Астров увлеченно говорит о своих лесах и о будущем, он немного напоминает Вершинина из пьесы «Три сестры». Конечно, уездный доктор еще далек от того, чтобы превратить «философствование», мечты о счастливом будущем человечества в наркотик, позволяющий уйти от жуткой действительности и выдержать жизнь, как это сделал Вершинин, но он движется в этом направлении. «Леса» и водка начинают сближаться в своих функциях.

Сознание того, что он имеет собственную философскую систему и, может быть, приносит человечеству громадную пользу, дает ему и право смотреть на окружающих свысока, как на ничтожных «микробов». Работа ради других приобретает и иные значения, приносит

* Тургенев И. С. Указ. соч. С. 90.

и психологические выгоды. Тургенев намечает возможности душевного опустошения Базарова и разрушения того, что в нем является наиболее ценным, в силу особенностей его мировоззрения, Чехов утверждает, что в результате столкновения человека базаровского типа с «дрязгами» жизни, ее пошлостью, скукой, серостью эти возможности, может быть и неизбежно, реализуются.

Все-таки деятельность Астрова далеко не сводится к «отдыху», он много сделал, и это ему многого стоило. Почему же наполовину душевно опустошенный доктор продолжает трудиться ради людей? Прежде всего из чувства долга (не считая психологических выгод, которых можно достичь и более простым путем). Именно долг, воспринятый как категорический императив, и красота, единственное, к чему еще не равнодушен Астров, которая рассматривается людьми базаровской ориентации всего лишь как раздражение определенного нервного центра в мозгу, не имеющее большого значения для жизни человека, — именно они и удерживают героя от падения в пропасть полного душевного опустошения. По Чехову, для Базаровых «дрязги», болото жизни, с которым им придется столкнуться, едва ли не более серьезное испытание, едва ли не бóльшая опасность, чем то, что «человек на ниточке висит, а под ним бездна разворачивается».

